

Содержание

БЛАГОДАРНОСТИ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
Состояние исторической науки о богатых на сегодняшний день. Краткий обзор	9
Структура книги и ее краткое содержание	14
Часть I. В РУКАХ НЕМНОГИХ	21
Глава 1. Что такое богатство и сколько его нужно, чтобы стать богатым? ...	21
Определение богатства в разные эпохи	22
Кого можно считать «богатым»?	27
Обзор исторических источников для изучения богатства и богатых	32
Глава 2. Сосредоточение богатства и представленность богатых в разные времена. Обзор	41
От Черной смерти (и более ранних времен) до Американской революции ...	42
Концентрация богатства в Новом времени	48
Почему концентрация богатства (почти) всегда растет?	55
Сколько было богатых людей в разные времена?	61
Часть II. СТЕЗИ ОБОГАЩЕНИЯ	67
Глава 3. Об аристократии былой и новой	67
Кто такой «дворянин»? Исходные определения	67
Становление феодальной знати в средневековой Европе	69
Обретение дворянского титула в раннее Новое время, в эпоху Наполеона и впоследствии	73
Выживание дворянства в XX и XXI веках и появление новых аристократических групп	78
Дворянство и богатство. Продолжение темы	84
Современная «глобальная аристократия» уже существует?	88
Глава 4. Об инновациях и технологиях	91
Блестящие грешники. Торговцы и купцы-предприниматели Средневековья (и более ранних времен)	92

Новый мир возможностей	98
Новые возможности в Старом Свете	105
Технологический импульс. Обогащение в индустриальную эпоху	109
Проблема предпринимательских династий. От заслуг к привилегиям?	116
Обогащение в информационную эпоху. Возможности для всех?	122
Глава 5. Про финансы	128
Ростовщики или банкиры? Торговля деньгами в Средневековье и Новом времени	129
Откуп налогов. Неизбежное зло	138
Инвесторы. От доиндустриальной до индустриальной эпохи	142
Банкиры Нового времени. Преемственность и перемены	147
Женщины в сфере финансов. Общий обзор	153
Прогрессирующая финансиализация современной экономики	158
Глава 6. Проклятие Смауга. Поведенческие модели богатых в накоплении и потреблении	164
Потребительские установки богатых людей. От (относительной) умеренности Средневековья к демонстративному потреблению	165
Накопительские установки богатых людей. Исторический обзор	170
Богатство, азарт и наследство	179
Копить или тратить — вот в чем вопрос	183
Глава 7. Путь к вершине. Обзор	186
Основные пути обогащения в разные исторические эпохи. Подведение итогов	187
Состав богатых со времен позднего Средневековья до XIX века	189
Состав самых богатых людей с XIX века до межвоенного периода	196
Щекотливая тема. Наследование	201
Богатство в начале XXI века. К чему мы идем?	209
Часть III. БОГАТЫЕ В ОБЩЕСТВЕ	216
Глава 8. Почему концентрация богатства может быть социальной проблемой. От Фомы Аквинского до Тома Пикетти	216
Недоверие к богатым и сверхбогатым во времена Средневековья	217
Определение роли богатых. От грешников до избранных	221
Красные нити в истории	228
О неравенстве и отношении к богатым	236
Глава 9. Меценаты, благотворители, спонсоры	240
Меценатство и патронаж на грани общественного блага и личного интереса. От Античности до Нового времени	241

Благотворители и филантропы индустриальной эпохи	249
Современная дилемма. Жертвовать на благотворительность или платить налоги?	257
Глава 10. Сверхбогатые и политика	263
Богатство как путь в политику в первых республиках	264
Богатство как путь в политику в современных парламентских демократиях ...	269
Политика как способ обогащения	278
Политика и налогообложение	283
Глава 11. Богатые в кризисные времена. От Черной смерти до COVID-19	290
Богачи и чума. Бум или спад?	291
Кризисы Нового времени. Чума и голод	296
Богатые в войну и войны богатых	302
Богатые в годы финансовых кризисов	311
Богатые и COVID-19	317
Заключительные замечания	321
ПРИЛОЖЕНИЕ	325
Иллюстративный материал	325
Графики	325
Таблицы	325
Источники для таблиц и графиков в основном тексте	325
Примечания	328

Введение

Общественное мнение Запада сегодня прямо-таки одержимо богатыми: кто они такие, как разбогатели, хорошо или плохо себя ведут. Богатыми и особенно сверхбогатыми восхищаются, им льстят, их порицают и даже презирают — в любом случае они являются объектами постоянно растущего внимания общества. Некоторые из них решают стать знаменитостями, и благодаря новым коммуникационным технологиям и социальным сетям сегодня эта задача решается проще, чем когда бы то ни было. Судя по всему, со времен Средневековья многое изменилось: в те времена богатым рекомендовалось *не выглядеть богатыми* (или хотя бы не демонстрировать до конца уровень своего богатства), поскольку чрезмерное накопление материальных ресурсов считалось по своей сути греховным и даже вредным для исправного функционирования совершенного (христианского) общества и его институтов, особенно политических. По мнению некоторых средневековых мыслителей, если бы сверхбогачам был предоставлен внешне «равный» доступ к политическим институтам, фактически они действовали бы «как боги среди людей», что в те времена представлялось нежелательным.

Но многое ли изменилось на самом деле? Уже сам факт, что богатых сегодня обсуждают так же много, *как и раньше*, говорит о том, что с определением подходящего для них места в обществе имеются проблемы — так же, *как и в прошлом*. Эти связи между прошлым и настоящим, скрытые, но становящиеся очевидными, стоит начать их искать, и составляют главную цель данной книги. Здесь вы найдете не просто описание жизни и поступков богатых или сверхбогатых людей и не результат какой-то симпатии или неприязни к ним, а попытку составить общую историю богатых людей в разные эпохи. В книге дано много конкретных примеров; кроме того, мы сочли уместным включить в общую канву рассуждения несколько кратких биографических очерков отдельных выдающихся личностей (подобные нарративы, наряду с пользой в плане научной наглядности, часто бывают весьма интересными).

Со временем многое меняется, и сегодняшние богатые люди пришли к успеху, конечно, не так, как богачи Средневековья (и Илон Маск — не Аллен Рыжий), не говоря уже о богачах классической эпохи, но в отношении тех, других и третьих нас интересуют, в общем-то, сходные вопросы. Для ответа на них с точки зрения общественных наук, в том числе

истории социально-экономических отношений, которой я занимаюсь, можно предпринять попытку систематического анализа, охватывающего период от Средневековья до наших дней, с неоднократным обращением и к Античности. Такой подход необходим для решения глубоких и важных вопросов. Какого рода преемственность существует во времени? Чем нынешние богачи схожи с успешными людьми прошлого? Помогут ли эти общие черты лучше понять социальную напряженность по поводу самого факта существования богатых — то беспокойство, которое, очевидно, было характерной чертой западных обществ во все времена? Для ответа на эти вопросы мы должны применить *исторический* подход. Во-первых, если пренебречь историческим контекстом, мы рискуем, так сказать, сравнивать груши с яблоками. Во-вторых, если не обращаться к прошлому, особенно достаточно далекому, можно упустить некоторые актуальные и интересные аспекты, заслуживающие изучения.

Это книга не «против» богатых, а «о них». Нет никакого априорного намерения выдвинуть какие-либо обвинения относительно их нынешнего поведения или использовать общественное недовольство для привлечения внимания. Нет, эта работа обязана своим происхождением подлинно научному интересу к тому, что представляли собой богатые в прошлом, — а эта тема, в свою очередь, родилась в ходе более общих исследований долгосрочных тенденций экономического неравенства. Внезапное осознание того, что богатые как особая категория редко становились объектом надлежащего научного изучения (особенно жившие в доиндустриальные времена), постепенно переросло в амбициозный проект¹. Но раз уж исследование изначально задумывалось с размахом — то почему не *всемирная* история богатых, а лишь история *богачей Запада*? Основная причина того, что акцент сделан на западных богатых, заключается в гипотезе о наличии исторической преемственности в том, как западные общества воспринимали (и воспринимают) их в той роли, которую им приписывали, и какого поведения от них ожидали, — преемственности, глубоко укоренившейся в западной культуре и, начиная со Средних веков, формировавшейся под воздействием христианской религии. Вторая причина состоит в том, что, насколько мне известно, ни в одной другой части мира не существует серьезных источников, посвященных именно этой теме. История богатых людей Восточной Азии, например, была бы очень интересной и помогла бы сложить пазл, что в итоге потенциально могло бы привести к написанию всемирной истории богатых. Но в данный момент следует уделить основное внимание лучше документированному Западу, определяемому как по географической, так и по культурной оси, то есть Европе, Северной Америке и другим «западным ответвлениям», культура которых в значительной степени является производной от европейской культуры.

Часть II. Стези обогащения

Глава 3. Об аристократии былой и новой

На протяжении многих веков прослеживается тенденция ко все большей концентрации богатства и возрастанию численности богачей. Данное наблюдение важно само по себе, так как, возможно, существует какая-то характерная черта, присущая всем без исключения богатым и сверхбогатым людям именно в силу того, что нажитое состояние обособляет их от остальных членов общества. Однако богатство не всегда аккумулировалось одними и теми же путями. Поэтому напрашивается предположение, что иногда обогащению людей и росту численности богачей способствовали судьбоносные перемены в общественной жизни, которые обусловили изменения методов приобретения состояний. Были ли богатые блестящими (или просто удачливыми) предпринимателями, великими финансистами или дворянами по происхождению? Было ли их богатство добыто, главным образом, благодаря собственным усилиям или просто унаследовано? Вот на какие вопросы мы сейчас ищем ответы, поскольку состав богатых с точки зрения их происхождения, рода занятий и социально-правового статуса имеет важные последствия для той роли, которую они играют в обществе. Для начала определим несколько различных путей к большому богатству — в первую очередь путь того, кто, по всей видимости, в коллективном сознании является прототипом богача, имеющего привилегированный статус по праву рождения, но не в силу действительных заслуг, а именно дворянина-аристократа. Как станет ясно к концу этой главы, принадлежность к дворянству в Средневековье оценивалась не совсем так, как в наши дни, причем — вопреки широко распространенному мнению — взаимосвязь между дворянским статусом и наличием богатства гораздо сложнее и разнообразнее.

Кто такой «дворянин»? Исходные определения

Хотя понятия «дворянство» и «аристократия» кажутся интуитивно понятными, они на самом деле многоуровневые. Поэтому представляется правильным начать анализ с определения некоторых терминов, в том числе «дворянства» в самом узком смысле слова.

Можно считать дворянство привилегированной социальной группой, обладающей наследственными титулами и/или другими наследуемыми знаками отличия. Это определение, опять-таки больше интуитивное, указывает на две характерные черты дворян: наличие у них формально признанного «привилегированного» положения по сравнению с другими социальными группами и наследуемый характер их высокого статуса. Поскольку наследование всегда является одним из наиболее строго регулируемых (формально или неформально) институтов любого человеческого общества, передача дворянских титулов из поколения в поколение требует определенных институциональных рамок — как и само существование дворянства, если учесть, что во многих западных странах оно упразднено. Чего наше определение *не* требует, так это обособления дворян от других людей по причине наличия богатства¹.

Мы характеризуем дворянство лишь как часть более широкого понятия, каковым является аристократия. Следуя научной традиции, заложенной немецким социологом Максом Вебером, аристократия определяется не через наличие богатства или возможность контролировать экономические ресурсы, а через высокий социальный статус (который сам по себе носит внеэкономический характер и основан на окружающем аристократию престиже и воздаваемых ей почестях), а также привилегии и власть (военную и/или политическую), которыми она пользуется². Как и в случае с понятием дворянства, в разных странах и эпохах практическое определение аристократии включало в себя различные характеристики³. Действительно, если мы поищем определение, общее для истории стран Запада с Античности до наших дней, мы должны признать, что *единственной* необходимой характеристикой аристократии является высокий социальный статус, дающий ее членам определенные привилегии⁴. Следовательно, мы можем определить аристократию просто как «социальную группу, обладающую высоким статусом и привилегиями», самым наглядным примером которой служит потомственное дворянство.

Причина, по которой следует подчеркнуть, что большое богатство не обязательно является условием принадлежности к дворянству или аристократии, заключается в том, что история изобилует примерами обедневших дворян. Сам Вебер указывал, что в Новое время, когда господствующее экономическое положение землевладельческой знати (которую он называл «владельцами родовых поместий») стало оспариваться новыми группами, возникла тенденция к молчаливому или даже явному компромиссу, согласно которому дворяне-землевладельцы отказывались, хотя бы и частично, от экономического доминирования, сохраняя за собой ряд гарантированных правовых и экономических привилегий, в том числе на освобождение от налогов. Это молчаливое соглашение — по крайней мере первоначально — предусматривало сохранение политиче-

ской власти в руках дворянства, однако и политическое его господство в большинстве стран стало со временем ослабевать⁵. Хотя такой подход к рассмотрению европейской истории действительно отражает один из важных процессов, известно также, что упомянутое экономическое ослабление затронуло дворянство не одинаковым образом и что оно постоянно пополнялось новыми людьми, как правило, очень богатыми. В итоге в таких странах, как Англия, где дворянство по-прежнему существует, доля его представителей среди богатых и сверхбогатых остается довольно значительной⁶.

Если потомственное дворянство можно считать наиболее ярким образчиком аристократии, возникает вопрос, зачем проводить между ними различие. Причина заключается в том, что, хотя в некоторых странах в настоящее время потомственное дворянство в законодательном порядке упразднено, а в некоторых других странах, например в США, существование такого дворянства вообще никогда не признавалось, привилегированные классы с высоким статусом фактически существуют, и на основании того же определения их можно считать неким подобием аристократии. К тому же в обществе растет озабоченность по поводу возможного в будущем подъема некой формирующейся сейчас новой «глобальной аристократии». Это важная тема, поскольку она затрагивает много актуальных вопросов о существующих в наше время путях к достижению большого богатства. Так что мы уделим некоторое внимание современной аристократии, но сначала представим исторический обзор того, какое влияние на шансы человека стать очень богатым на протяжении всей истории Запада оказывало обретение дворянского титула или обладание им по праву рождения.

Становление феодальной знати в средневековой Европе

В конце сентября 1066 года сын бретонского графа с надеждой вглядывался в английские берега. Имея мало шансов унаследовать титул отца, предназначавшийся старшему брату, юный Ален Руфус, что означает Рыжий — это прозвище он получил за цвет бороды, — откликнулся на призыв троюродного брата Вильгельма Нормандского, намеревавшегося повести армию вторжения через Ла-Манш. Ален отправился в поход вместе с братом Брайеном и десантными силами численностью в 5000 бретонских солдат и 100 кораблей, которые его отец, граф Одо, направил на помощь Вильгельму. Ален был весьма заинтересован в этом предприятии: в чужой стране у него было гораздо больше возможностей упрочить личное положение и сколотить состояние, нежели в родной Бретани, где ему препятствовали законы о наследовании и где ему пришлось бы конкурировать с шестью братьями за имущество и почести.

Судя по всему, Ален действительно отличился: в битве при Гастингсе, произошедшей 14 октября 1066 года на южном холме Суссекса, он командовал левым флангом армии вторжения.

В этой битве нормандцы и их союзники одержали решающую победу: армия саксов была разбита, а их король Гарольд пал на поле брани. Итак, когда Вильгельм, прозванный Завоевателем, готовился к коронации в Вестминстерском аббатстве в качестве будущего правителя Англии, Ален Руфус, в свою очередь, удостоился награды в виде множества городков в Кембриджшире, в том числе экспроприированных у вдовы Гарольда. Но это было только началом пути Алена к огромному богатству. Многие соратники Вильгельма вскоре вернулись в Нормандию со своей долей добычи, но Ален, в отличие от своего брата Брайена, остался, и его роль в завоевании страны все возрастала. Он специализировался на подавлении восстаний: в первый раз в 1069 году, когда помог Вильгельму покорить город Эксетер, восставший против введенных завоевателями грабительских налогов и поддержавших войско сыновей Гарольда. Затем с лета 1069 по 1072 год он вместе с Вильгельмом воевал с мятежными графами Северной Англии и их датскими союзниками. Ален также участвовал в последующих зверских карательных акциях, известных как «опустошение Севера»: предположительно более 100 000 человек были убиты или погибли от голода и других бедствий. Лишив мятежную саксонскую знать собственности, Вильгельм раздал своим самым верным сподвижникам «почести», то есть конфискованные имения и связанные с ними титулы. Решающим шагом в восхождении Алена стало пожалование ему почетного титула Ричмонд, с правом на владение не менее чем 199 поместьями. Ален немедленно приступил к строительству Ричмондского замка в стратегически выгодном и удобном для обороны месте. Замок стал символическим центром его владений. В последующие годы число владений продолжало расти, главным образом благодаря умению Алена становиться на сторону победителя во время частых восстаний против Вильгельма и его преемника, Вильгельма II. К 1080-м годам Ален Руфус стал, несомненно, одним из самых богатых людей в Англии. Согласно оценке, к которой следует относиться только как к ориентировочной, если учесть неизбежную неполноту имеющихся исторических сведений, доходы от его громадных земельных владений, возможно, составляли около 7,3 % от всего чистого национального дохода Англии того времени; Ален, по всей вероятности, можно считать самым богатым человеком, когда-либо жившим в Великобритании (монархи не подлежат включению в рейтинги такого рода). Важно отметить, что еще несколько сподвижников Вильгельма Завоевателя, бывших с ним с самого начала, значатся в недавно составленном списке богатейших людей Великобритании за все время ее существования⁷.

Пример с Аленом Руфусом позволяет прояснить важный момент: не все богатые и сверхбогатые представители дворянства получали свои состояния по наследству. Ален родился дворянином, но если рассмотреть более ранние времена, то можно отыскать период, когда система дворянского землевладения еще только складывалась. Знать в континентальной Европе существовала уже во времена Древнего Рима, поскольку патриции, которые предположительно были потомками небольшого числа семейств первопоселенцев (чье высокое положение, очевидно, передавалось по наследству) и которые в ранней Римской республике монополизировали государственные должности, подходят под наше определение дворянства⁸. Интересно, что латинское слово *nobilitas* («знать», «благородное сословие», «знатность», «благородство»), от которого происходит английское *nobility* («дворянство»), относилось к новой группе аристократии, формировавшейся в Риме с конца IV века до н. э. Она становилась все более могущественной в конце Римской республики и затем в Римской империи и всегда была гораздо более открытой по сравнению с патрициями для новых людей, не принадлежавших к ней по рождению⁹. Однако этот социальный институт с крушением Римской империи в V веке распался на ряд знатных элит, образовавшихся вокруг наместников и вождей варварских племен*, поселившихся на землях бывших римских провинций¹⁰.

Возникновение потомственного дворянства задолго до появления на свет Алена Руфуса тесно связано с возникновением раннесредневековых государств и особенно с развитием их управленческого аппарата, который обычно совпадал (полностью или отчасти) с домохозяйством суверена. При таком положении дел должностные лица стремились закрепить свои должности за собой и своими потомками. Нестабильность государств раннего Средневековья способствовала этим устремлениям. Так, во времена Каролингов словом *count*** называли судью, сопровождавшего императора. В XII веке это слово приобрело другое значение: графами стали называть губернаторов провинций, а их представителей — виконтами (младшими графами или вице-графами). Пограничными провинциями империи Каролингов управляли маркизы (что и означает — правители пограничных областей)¹¹. Со временем этот процесс привел к возникновению феодальной (землевладельческой) знати, поведение которой теперь регламентировалось более точными и юридически четкими правилами межличностных отношений между правителем и вассалами. Эта социально-экономическая система прослеживалась во Франции уже в XII веке и продолжала развиваться на протяжении всего

* Варварами считались племена и народы, обитавшие за пределами Римской империи. — *Прим. ред.*

** Граф (*англ.*) от лат. *comes* — «спутник», «проводжатый».

Средневековья наряду с идеей расслоения общества на разряды или сословия: те, кто молится (духовенство), те, кто сражается (дворянство), и те, кто трудится (простолюдины, или третье сословие)¹².

Подробное рассмотрение истории возникновения и укрепления феодальной знати в Европе не входит в задачи этой книги. В рамках нашего исследования важно то, что с какого-то момента та или иная должность, обеспечивавшая ее обладателю высокий статус и полученная (если не во всех, то в подавляющем большинстве случаев) благодаря умениям и способностям конкретного человека как управленца или военачальника, стала объектом передачи по наследству. Идя на риск чрезмерного упрощения, мы можем утверждать, что основатель дворянской династии по своим личностным качествам отличался от потомков, поскольку он прилагал усилия, чтобы *добиться* своего положения, тогда как они попросту *унаследовали* его. Итак, проблема с унаследованным дворянским статусом как предпосылкой к приобретению богатства заключается в том, что в огромном большинстве случаев (хотя и далеко не во всех) такой титул являлся гарантией *легкого* пути к обогащению, благодаря которому у богатых дворян не было необходимости обладать какой-либо особой компетентностью или определенными качествами, кроме разве что умения избегать чрезмерных расходов и воздерживаться от слишком рискованных коммерческих предприятий. Но, конечно, это только часть проблемы, поскольку принадлежность к дворянству или к более широко понимаемой аристократии может способствовать обогащению не только через наследование, но и через доступ к исключительным возможностям. Это совершенно очевидно вытекает из особенностей средневекового феодального строя, поскольку знать обладала в ней абсолютной полнотой власти над политической системой и располагала серьезными средствами принуждения, которые применяла для выколачивания максимально возможных поборов из низших социальных слоев, увеличивая таким образом свое богатство (а тем самым и богатство своих потомков)¹³. Кроме того, дворяне имели преимущественный доступ к прибыльным военным должностям не только в Средние века, но и в раннее Новое время, когда шел рост численности армий и увеличение государственных военных расходов¹⁴.

По мере того как принадлежность к поместному дворянству превращалась в своего рода наследственный статус, укреплялось представление о том, что положение дворянина (и его богатство) вполне *справедливо* переходит к его потомкам, потому что такой миропорядок соответствует некоему Божественному замыслу. Иными словами, передача привилегий и феодальных вотчин по наследству, хотя она, очевидно, имела тенденцию порождать заметное неравенство, не воспринималась и не определялась как проблемная, поскольку считалось, что она соответству-

ет Божьему помыслу — хотя бы только потому, что в обществе есть условия, обладающие различным правовым статусом¹⁵. Вебер назвал это явление унаследованной харизмой: положение вещей, при котором не харизматичная личность (например, основатель династии) пользуется признанием заслуг, а узаконивается порядок, когда положение, приобретенное по наследству, ценится выше, чем вновь приобретенное, даже при полном отсутствии у наследников титула личной харизмы или, если можно так выразиться, любой иной добродетели¹⁶. Как мы увидим в главе 8, в средневековой Европе это всеобщее признание привилегированного положения знати делало существование сверхбогатых дворян в обществе гораздо менее проблематичным по сравнению с существованием «грешных» сверхбогатых простолюдинов, даже тех, о ком было известно, что они приобрели состояние благодаря собственным усилиям.

Обретение дворянского титула в раннее Новое время, в эпоху Наполеона и впоследствии

В XV столетии золотой век европейской феодальной знати в некотором отношении уже подходил к концу. Это обуславливалось возрастающей напряженностью в отношениях между самими дворянами по причине увеличения внутригруппового неравенства, в том числе имущественного, которая снижала эффективность их совместных действий, а также усиливающейся конкуренцией со стороны других социальных групп (или «классов»), в особенности со стороны буржуазии. Результатом стало усиление различий между высшим и низшим дворянством, а также между дворянством старым и новым. Хотя конкретные особенности данных процессов значительно различались от одной европейской страны к другой, в качестве примера стоит привести Францию, где старинное дворянство шпаги (*noblesse d'épée*) ощущало все большую угрозу со стороны дворянства мантии (*noblesse de robe*). Последнюю составляли простолюдины, приобретшие своего рода дворянский статус, обусловленный занятием определенных должностей, например *парламентария* или чиновника провинциального суда. В Новое время эти должности можно было просто купить, причем они передавались также и по наследству, до тех пор, пока конец этой практике не положила Французская революция 1789 года. Еще больше усложняло ситуацию, что многие дворяне мантии были достаточно богаты, чтобы покупать земельные владения (иначе называемые королевскими вотчинами — *fiefs de dignité*), дающие право на титул (графа, герцога или маркиза), то есть купивший такое владение мог присоединять название нового имения и привязанного к нему дворянского звания к своей фамилии¹⁷.

Возьмем в качестве примера французскую династию Кроза. Купцу из Альби Антуану I Кроза пришла в голову честолюбивая идея добиться

дворянского титула. В 1652 году, после смерти первой жены, он переехал в город Тулуза области Лангедок, где настолько преуспел, что сумел вскоре стать банкиром. Затем он купил по пониженной цене в 10 000 ливров имение Барткав, разоренное во время религиозных войн конца XVI века. Его новый титул *сеньор Барткав и Презервиль*, несомненно, помог ему устроить второй брак, через который он породнился с местной знатью. Чтобы продемонстрировать обретение дворянского статуса, Антуан I начал носить шпагу и обзавелся манерами дворянина; он также восстановил *замок* Барткав и даже сочинил новую генеалогию семьи, из которой якобы происходил. Однако в конце концов он слишком зарвался: старая знать сочла себя оскорбленной появлением этого выскочки в своей среде, а губернатор Лангедока неоднократно штрафовал Антуана I за «незаконное присвоение дворянства». Тем не менее он проложил дорогу потомкам, самый известный из которых, тоже по имени Антуан, ухитрился стать одним из самых значительных лиц во Франции.

Пойдя по стопам отца, Антуан II преумножал состояние с гораздо большим успехом, особенно когда начал откупать налоги: в 1689 году он стал генеральным сборщиком (*receveur général*) всего региона Бордо. Что еще более важно, он занялся заморской торговлей, сначала вкладывая капитал в табак из Сан-Доминго, затем в работоторговлю: в 1701 году он приобрел монополию на эту торговлю со всеми испанскими колониями. Наконец в 1712 году он получил 15-летнюю торговую монополию в Луизиане (тогда французской колонии), для чего создал Луизианскую компанию.

В 1714 году Антуан II провел решительную кампанию по повышению своего статуса и подкреплению притязаний на дворянство. Он начал с покупки баронства Тьер за 200 000 ливров и герцогства Сен-Фаржо за 500 000 ливров. Хотя сама по себе покупка герцогской вотчины не давала Антуану II права именоваться герцогом, тем не менее он называл себя *сеньором герцогства де Сен-Фаржо* (правда, недолго: в 1715 году из-за некоторых трудностей он был вынужден продать это имение). Однако самой крупной инвестицией было баронство Шатель, за которое он заплатил огромную сумму в 1,1 миллиона ливров. Расходы того стоили, поскольку он вскоре ухитрился убедить старого короля Людовика XIV даровать ему титул *маркиза дю Шатель* в знак признания его заслуг в качестве кредитора короны. На тот момент Антуан II был, вероятно, самым богатым человеком во Франции, а Вольтер, знаменитый французский писатель и просветитель, прозвал его Кроза Крез. Однако — несмотря на все оказанные ему почести — знать продолжала считать Антуана II выскочкой, как и его отца. В третьем поколении поход мещанина во дворянство, систематически подкрепляемый браками с представительницами дворянских родов, наконец увенчался успехом,

поскольку дети Антуана II, судя по всему, стали вполне своими для французского дворянства¹⁸.

Данная ситуация, типичная для знати Нового времени, в рамках нашего исследования вызывает два вопроса. Во-первых, насколько доступной была среда старой знати для новых членов, особенно для богатых простолюдинов вроде Кроза, составлявших подавляющее большинство новой аристократии? Во-вторых, почему богатый простолюдин с готовностью шел на очень высокие затраты, стремясь добавить дворянский титул к своей фамилии? Неоднократные попытки ограничить проникновение простых людей в дворянскую среду мы встречаем по всей Европе. Эта тенденция вполне явно прослеживается даже в купеческом государстве, каким была Венецианская республика; она представляла собой сравнительно редкий случай государственного устройства европейской страны, где феодальная знать не имела в руках мощных рычагов экономического и политического господства. Однако даже Венеция сочла необходимым четко определить состав членов патрициата, которые с 1297 года имели монопольный доступ к должностям в главном органе политического управления, знаменитом закрытом обществе (*serrata*) Большого совета (*Maggior Consiglio*). Были составлены списки тех, кто имеет право быть избранным в Большой совет, и с 1323 года было четко установлено, что вхождение в его состав основано на праве наследования: допускались только потомки предыдущих членов Совета. Таким образом, членство в Большом совете стало реальной разделительной чертой между венецианским патрициатом и всеми остальными (среди самих патрициев формальной иерархии не существовало)¹⁹.

Такие жесткие ограничения, со временем ставшие типичными для всей Италии, на деле не препятствовали периодическому включению в городские патрициаты новых членов, особенно очень богатых. В Венецианской республике XVII века мы находим много примеров богатых провинциальных семейств, таких как Дзамбелли из Падуи или Оттолини и Дзеноби из Вероны, которые сколотили крупное состояние, занимаясь коммерцией, и впоследствии были включены в число патрициев²⁰. Это стало возможным благодаря закону, принятому в 1646 году, который требовал уплаты огромного вступительного взноса в 100 000 дукатов, но больше не налагал практически никаких ограничений²¹. В других итальянских государствах, например в Милане, стать дворянином, по-видимому, было несколько проще, чем в Венеции, отчасти потому, что действующие правила, ограничивающие этот процесс, применялись не в полной мере. Фактически «единственным условием, абсолютно необходимым для того, чтобы ступить на путь, ведущий [в патрициат] в верхи миланского общества... было, по-видимому, богатство»²². Помимо возможности платить грабительские взносы, необходимые для вхожде-

ния в состав городских патрициатов, во многих частях Европы богачи могли просто покупать феодальные владения и приобретать относящиеся к ним титулы. Иногда для удовлетворения неотложных финансовых потребностей суверена даже создавались новые феоды. В частности, в 1618 году в Савойском государстве, располагавшемся на северо-западе Италии, для пополнения казны герцога Карла Эммануила I, истощенной Первой войной за монферратское наследство (1613–1617), было создано и продано большое количество новых феодалов вместе с соответствующими титулами. Сходная нужда в финансировании военных кампаний и в расходах на огромную армию наблюдается в Пруссии XVIII века, где каждый следующий король возводил в дворянство большее число бюргеров, чем его предшественник, за что каждый новоиспеченный дворянин должен был заплатить немалую цену — 400 талеров, что составляло примерно семь килограммов серебра²³.

Помимо покупки дворянства, простолюдины могли достичь того же результата другими путями. Одной из таких возможностей было получение дворянского звания за заслуги перед государством. Примером может служить французское дворянство мантии; но такой способ практиковался и в других странах. Например, король Испании Филипп V за время своего правления (1700–1746) произвел более 200 новых титулованных (поместных) дворян из числа своих министров и членов высшей государственной администрации, а также в массовом порядке жаловал дворянские звания, которые, однако, не имели особого значения²⁴. Еще один способ — породниться со знатью через брак. Такой путь служил как упрочению сомнительных притязаний на дворянский статус, так и улучшению социального положения потомков. Вспомним случай семейства Кроза как характерный пример общего явления. Обе эти возможности — получение дворянства через службу государству и через брак — тесно связаны с материальным достатком, потому что, во-первых, выстраивание карьеры в рядах высшей администрации само по себе было путем к большому богатству (рассмотрение этой темы продолжится в главе 4), а во-вторых, что, кроме материальной выгоды, могло подвигнуть пользующуюся почетом дворянскую семью породниться с простолюдинами? В раннее Новое время многие семьи старой знати обнищали и нуждались в пополнении средств существования и в хороших отношениях с некоторыми членами сословия презируемых в других отношениях нуворишей — просто чтобы предотвратить возможную утрату собственного статуса. Рассмотрим пример двух преуспевающих французских финансистов Нового времени, выступавших в качестве заимодавцев короны: Пьера Жаке и Франсуа Сабатье. Нечасто даже денежным мешкам удавалось вступить в брак с представительницами высшей знати, будучи простолюдинами. Их жены, Анна де Со-Таванн